

Лаговьер Наум Осипович

**Социалистическое наступление и
кулацкий террор**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
НЗ4

НЗ4 **Наум Осипович Л.**
Социалистическое наступление и кулацкий террор / Лаговьер Наум Осипович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 164 с.

ISBN 978-5-519-92246-3

ISBN 978-5-519-92246-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Вот на выдержку несколько показателей качественного роста.

Если в 1928 г. средний размер колхоза составлял 59 га посева, то в 1929 г. средняя посевная площадь увеличилась до 91 га. А работа по сплошной коллективизации ряда районов в ЦЧО, на Урале, Северном Кавказе, по Волге, покрытых уже сравнительно густой сетью кооперативных объединений, колхозов, имеющих уже и тракторные колонны? Разве это не следующая, не более высокая ступень в колхозном движении?

Но и независимо от этого, разве само количество не переходит в качество? Разве приведенные цифры и факты не говорят о том, что идущее под лозунгом XV съезда партии строительство колхозов уже стало и становится все более массовым движением деревенской бедноты и середняцких слоев?

Они именно об этом говорят, доказывая, что лозунг «к коллективному земледелию» отвечает глубочайшим жизненным запросам основных слоев деревни. И в этом его непобедимость.

«В чем состоит новое в нынешнем колхозном движении? Новое и решающее в колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. А что это значит? Это значит, что в колхозы пошел середняк» (Сталин).

Одни поощрительные меры (а они безусловно необходимы) не могли бы породить этого движения, если бы оно не соответствовало интересам основных слоев деревни.

Характерный штрих. Белоруссия. Песок и супесок, глина и суглинок, подзолы — «куриный» урожай. Белорусс-хлебороб покупает себе и сейчас хлеб. Только на кулацких хуторах — сношные урожаи. Но...

Хутора в Белоруссии — это социальное и политическое зло. Из-за хуторов обнищали тысячи, десятки тысяч крестьянских хозяйств. Только кулак, прикрывшись вывеской «культурное хозяйство», укреплял свои экономические позиции.

А б. Наркомзем Белоруссии? Вот что он написал в своей пятилетке: «Коллективная форма (артели и коммуны) весьма слабо прививается среди крестьянства Белоруссии главным образом потому, надо полагать, что воспитанные в течение долгих десятков лет на принципах единоличного землепользования крестьяне Белоруссии не имеют пока еще наглядных результатов обобществления сельского хозяйства».

И в течение ряда лет фактически проводилась столыпинская политика насаждения хуторов. Это ли «поощрительные меры»?!

А между тем вопреки наркомземовскому уклону (ныне ликвидированному) по деревням, по селам и хуторам БССР начался великий раскол и брожение умов. В крепких спорах шумели сходки. Под улюлюканье кулачья беднота вместе с середняком двинулась в великий поход за крупный колхоз. Деревня организуется, ломает застарелые межи столыпинско-наркомземовской системы. Начинают вырастать все новые и новые, уже не карликовые, а крупные коллективные фабрики зерна. В одно только лето 1929 г., помимо желания наркомзема и других организаций, на землях трудового пользования организовано 576 колхозов на площади 126 тыс. га.

Подчеркивая необходимость решительной борьбы со всякими попытками сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин, ЦК ВКП(б) вместе с тем со всей серьезностью предостерег места против какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения, как «могущего создать опасность подмена действительно социалистического соревнования по организации колхозов игрой в коллективизацию».

Подлинный рост колхозного строительства совершался не благодаря, а несмотря на те нарушения принципа добровольности и прочие искривления и антисередняцкие перегибы, с которыми партия вела и ведет решительную борьбу.

Значит ли это, что на фронте социалистического наступления все и всюду обстоит как следует, и можно почить на достигнутых лаврах, предоставив дальнейшие вещи естественному ходу вещей?

Разумеется, нет. Еще много больших и малых недочетов в аппарате, в людях, в методах и системе работы. Каждый день могучая волна самокритики приносит десятки и сотни разоблачений сотен и тысяч язв, неслаженностей, искривлений, обломовщины. Впереди путь, теснимый громадами трудностей, впереди сложные задачи, требующие напряженной работы, не покладая рук, участия и инициативы миллионов. Взять хотя бы тот же боевой участок социалистического наступления — колхозное строительство. При всех достижениях мы все же находимся пока лишь в начале пути к созданию действительно крупного, механизированного обобществленного хозяйства. Только в начале пути. Бурный рост колхозного строительства не должен ослеплять нас только своей количественной стороной. Еще более необходимо решительное улучшение качественных показателей. «Путь сплошной коллективизации есть сложный трудный путь классовой борьбы. Попытки обойти, а не устранить трудности, забежать вперед, не обеспечив фланга и тыла, кинуться в бой одним авангардом, оторвавшись от основных сил, — такие попытки приносят один вред.¹

Но если большие достижения социалистического наступления не должны затушевывать ни теневых сторон и прорывов текущей работы, ни трудностей дальнейшего пути, то, с другой стороны, нельзя затушевывать и значения этих достижений.

Разве не являются они, в частности, наглядным опровержением мрачных пророчеств и прогнозов, которые вслед за буржуазными экономистами и политиками повторяли и повторяют отошедшие от генеральной линии партии правые уклонисты.

Пророчества эти общеизвестны. Насчет «непосильных» и «нереальных» темпов капитального строительства (которые по истечении первого хозяйственного года оказались превзойденными) или насчет «деградации» сельского хозяйства (в котором вопреки этим предсказаниям имели кроме бурного роста колхозного движения в 1929 г. расширение посевных площадей на 6 %, увеличение продукции совхозов на 34,7 %, продукции колхозов на 24,6 %).² И т. д. и т. д.

¹ Правда, передовица от 4/IV 1930 г.

² Материал XVI партконференции.

Все эти пророчества были разгромлены и опрокинуты «не в шуме слов, а в блеске дела».

А в том числе получило свое жизненное опровержение пророчество, имеющее непосредственное отношение к теме дальнейших очерков, — о мирном вращении кулака в социализм. Если бы эта теория оказалась верной, если кулак мирно вращается в социализм, то следовало бы отбросить линию «на усиление наступления» (зачем наступать не на врага) на кулака, и следовало бы изменить генеральную линию партии и заменить ее политикой мирного сожительства с кулаком.

Даваемый ниже анализ ряда конкретных эпизодов обострения классовой борьбы в деревне, эпизодов кулацкого противодействия социалистическому строительству, нам думается, поможет читателю разобраться и в цене пророчества насчет «мирного вращающегося», сделать выбор между данной «теорией» и той суровой оценкой ее, которая дана XVI партконференцией, заявившей, что «партия решительно отвергает антиленинскую теорию вращающегося кулака в социализм, как теорию, ведущую к разоружению рабочего класса перед классовыми врагами, к усыплению его революционной бдительности, к ослаблению его боеспособности в борьбе за преодоление хозяйственных трудностей на основе генеральной линии партии».

Классовые бои вокруг колхозов, вокруг каждого серьезного шага вперед социалистического строительства, социалистического наступления. Вот о чем говорят эпизоды и факты повседневной практики, лишь небольшая часть которых послужила сюжетом настоящих очерков.

Что это — неожиданное, непредвиденное осложнение, эти классовые бои, это обострение классовой борьбы?

Если судить по тому, как существо диктатуры пролетариата представлял себе Ленин, то неожиданным было бы другое, именно, «мирное вращающееся», ликвидация классовой борьбы там, где еще классы не уничтожены, где еще действителен вопрос: «кто кого».

Диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы.

Так писал и так учил Ленин.

Мирным вращением кулака в социализм тут и не пахнет.

Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее впредь до уничтожения классов, но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.¹

Из этого, конечно, не следует, что пролетариат, после завоевания власти, заинтересован в том, чтобы непременно обострить формы и методы классовой борьбы в пределах своего государства, а тем более увековечить ее. Наоборот, в перспективе, по мере окончательного вытеснения классовых врагов с их позиций, приближения к социализму,

¹ Ленин, т. IV, стр. 249.

уничтожения, отмирания классов, будет отмирать и классовая борьба. Когда процесс ликвидации кулачества, как класса, будет завершен, ясно, будет ликвидирована и полоса обострения классовой борьбы в деревне. Но эта общая перспектива, во-первых, не устраняет обострения борьбы в отдельные периоды и как раз периоды развернутого социалистического наступления, а, во-вторых, не означает, что пролетариат может колебаться перед выбором, или, не обостряя борьбы, не двигаться вперед к социализму, или пойти на обострение борьбы, чтобы продвигаться вперед к социализму.

Прошедшие перед судами РСФСР эпизоды обострения классовой борьбы в деревне, описываемые и анализируемые ниже, не дают полного представления о всем многообразии форм, в которых проявлялось и проявляется еще кулацкое противодействие социалистическому наступлению. Исчерпать это многообразие не представляется возможным уже по одному тому, что повседневная жизнь и противоречия классовой борьбы выявляют все новые и новые изощренные формы и методы, свидетельствуя об инициативе классового врага в деле отстаивания своих позиций.

Даже в отношении той наиболее острой формы кулацкого противодействия, конкретные примеры которой преимущественно и являются сюжетом настоящих очерков, даже в отношении кулацкого террора мы отнюдь не претендуем на исчерпывающее освещение всех типичных и нетипичных его вариантов.

Их слишком много. Они различаются и по объектам нападения и по мотивам преступления, по способам его совершения, по факторам и обстановке, которые ему благоприятствуют, по результатам.

Кулацкий террор становится поперек колхозного строительства. Под его ударами пал уже не один активный боец за организацию колхоза, за расширение и улучшение социалистических элементов уже имеющих колхозов.

Кулацкий террор распространяется таким образом по главной линии фронта борьбы за выкорчевывание корней капитализма.

Но борьба не ограничивается областью колхозов. Классовая борьба и, в частности, террор, как острая форма ее, ведется вокруг всей работы партии и советской власти с батрачеством и беднотой.

Нет ни одной крупной хозяйственной и политической кампании, которая бы не встречала бешеного сопротивления кулачества вплоть до применения террора. Кампании сопровождаются мобилизацией не только советских и партийных и общественных сил, но и мобилизацией кулацко-капиталистических элементов города и деревни. Они тоже «участвуют» в кампании, для того чтобы дезорганизовать ее. Под аккомпанемент террора проходят кампании по перевыборам, по сельскохозяйственному налогу, самообложениям, хлебозаготовкам, контракции, займам и т. д.

Кулака возмущает помощь и заботы о бедняке: «Ребра поломаем, если будете выдавать муку из кооператива только бедноте» (Жилевская вол. Моск. обл.).

Селькор, разоблачающий кулацкое засилье, активист-общественник, организующий на месте бедняцкие и середняцкие массы в наступление на экономические или иные позиции эксплуататоров, председатель и секретарь сельсовета, организатор КОВ, члены учетных и налоговых комиссий, другие работники местных партийных и советских органов, выделяющиеся четкой классовой линией в своей работе, энергичной борьбой с обходами советского законодательства, — все они, естественно, возбуждают к себе острую ненависть классового врага, не брезгающего ничем, чтобы наиболее деятельных бойцов социалистического наступления убрать с своего пути.

«Хлебные злаки я поджог с тем, чтобы наказать его и сделать менее активным. Мстил за то, что он лишил меня права голоса и доказал, что у меня был работник, выявил скрытую пашню, подвел мое хозяйство под индивидуальное обложение», открыто сознался Радченко, осужденный 3 мая 1929 г. к расстрелу (Бийский окр.).

Жестоко избивая бедняка, другой кулак (Барнаульский окр.) поясняет: «Вот тебе твой обмер посева, не будешь ходить обмерять».

Лучшие представители сельской интеллигенции (культурник-учитель, врач, агроном и др.), порывающие с кулацким окружением и становящиеся в шеренги социалистического наступления, помогающие ему своими знаниями против тьмы, невежества, суеверий, предрассудков, на которых держится влияние эксплуататоров, наиболее сознательные и активные представители бедноты, крестьянки общественницы — далеко нередкие мишени кулацкого прицела.

Вот несколько цифр о потерпевших от кулацкого террора по РСФСР (без автономных республик) за 9 месяцев 1929 г.

Террористические акты были направлены против 1 002 лиц, среди потерпевших 544 служащих (54,3%), 412 общественников (41,1%) и 46 селькоров (4,6%). Следовательно, главным своим острием террористические акты направлены были против низовых советских работников. По мотивам совершения преступлений дела распределяются так: в связи с хлебозаготовками 139 дел (13,9%), в связи с общественной работой 711 дел (71,3%). Отсюда следует, что наибольшее противодействие в форме террористических актов встречает массовая общественная работа низовых советских работников и общественников. Не менее разнообразны формы террора и по способу совершения их. Здесь перед нами убийства, покушения, не доведенные до конца по независящим обстоятельствам, избиения, угрозы, поджоги, систематические издевательства и оскорбления, травля (с доведением до самоубийства). В ход пускается обрез, наган, ножи, топор, колы, камни, кулачная расправа.

По Ленинградской области по данным за 2-е полугодие 1928 г. главнейшими орудиями и средствами кулацкой расправы являлись: огнестрельное оружие в 18 случаях (27%), нож, топор и другие жёлезные орудия в 21 случае (32%), колы и камни в 13 случаях (20%). В остальных случаях пускались в ход главным образом кулаки, затем носки сапог, бутылки и даже розги в одном случае.

Следовательно, самый выбор орудий нападения говорит о том, что в большинстве случаев нападение делается с целью лишить жизни активистов-общественников.

За 9 месяцев 1929 г. по РСФСР (без автономных республик) имеем: поджогов 141 (14,2%), убийств 384 (38,7%), ранений 70 (7,1%) и боев 396 (40%).

Таким образом доминирующее место среди отдельных разновидностей террористических актов занимают действия, направленные непосредственно против личности.

Далее. На-ряду с такими фактами, когда кулак идет «п о д о т к р ы т ы м з а б р а л о м», не скрывая ни своего участия, ни мотивов классовой мести, мы имеем еще чаще эпизоды завуалированного террора, и здесь способы маскировки его также разнообразны. Обычно на открытые нападения кулацкие террористы решаются под влиянием крутого, резкого ущемления их эксплуататорских позиций, длительное время остававшихся неприкосновенными, и притом совершаются они не только в опьянении жаждой острой классовой мести, но часто и под влиянием алкоголя. Играют тут роль, конечно, и индивидуальные особенности и темперамент. Но чаще всего кулацкие террористические акты готовятся и совершаются конспиративно, обставляются так, чтобы тщательно замести следы и улики, всячески затруднить раскрытие исполнителей и организаторов. И, как указывалось, нельзя отказать преступным элементам кулачества в изобретательности и предусмотрительности на счет способов маскировки своих террористических выступлений.

Когда нельзя замаскировать самого факта преступления, то применяются иногда чрезвычайно хитроумные и предусмотрительные меры для того, чтобы, по крайней мере, замаскировать классовые мотивы преступления, чтобы придать ему вид обычной бытовой уголовщины, а тем самым добиться смягчения ответственности.

От расследования и суда требуются подчас большое техническое умение, а главное, большая политическая чуткость и зоркость для того, чтобы вскрыть подлинные мотивы преступления.

В целях безнаказанности и маскировки кулаки предпочитают лично на себя брать роль организаторов и вдохновителей террористических расправ, физическое же выполнение их осуществлять руками других.

Чтобы раздобыть охотников класть свою голову за интересы кулаков, эти последние прибегают в одних случаях к прямому найму деклассированных и преступных элементов, в других — к спаиванию и разложению наиболее темных и отсталых элементов из бедняков и середняков, в третьих — пользуются материальной зависимостью и идеологическим пленом подкулачников. В последнее время участились случаи использования в качестве слепого орудия и наиболее отсталой части женского населения деревни.

Всего в составе привлеченных и осужденных за кулацкий террор по РСФСР за 9 месяцев 1929 г. имелось: кулаков — 1 024 (31,2%), середняков 1 896 (57%), бедняков — 296 (9%) и служащих — 67 (2,1%).

Конкретные выводы излагаются ниже в связи с отдельными очерками. Здесь же заметим, что цифры, характеризующие социальный состав участников кулацкого террора, требуют серьезного внимания.

Правда, цифры не дают точных данных о том, кто какую роль играл в террористическом акте. Что роль организатора исключительно принадлежит кулаку, в этом не может быть сомнения. Во всей

Ленинградской обл. за 2-е полугодие 1928 г. среди середняков нашелся только один организатор террористического акта, да и тот оказался бывшим торговцем. Правда и то, что в процентном отношении (если учесть то, что основную массу крестьянства составляют середняки) участие середняков в кулацком терроре ничтожно и несравненно ниже, чем непосредственно кулачества. Но тот факт, что в абсолютных числах середняков по делам о кулацком терроре фигурирует не меньше, чем кулаков, указывает на необходимость максимально усилить мероприятия по политической изоляции кулачества и самую борьбу с кулацким террором еще в большей мере ориентировать на методы активного вовлечения и содействия бедняцких и середняцких масс. Делается ли всюду все необходимое в этом направлении, — в направлении политической изоляции кулачества, в направлении решительной ориентировки в борьбе с кулацким террором (и другими формами противодействия социалистическому строительству) на активное вовлечение бедняцких и середняцких масс?

Как приведенные выше цифры, так и факты, излагаемые ниже, определенно сигнализируют, что в этом отношении не все обстоит благополучно. Искривления классовой линии, нарушения революционной законности, недостаточность массовой политической работы льют воду на мельницу классового врага.

Мы уже не говорим о прямом содействии кулацким вылазкам (до террористических включительно) со стороны тех бюрократически разложившихся элементов советского аппарата, которые играют в нем роль агентов классовых врагов и от которых советский аппарат еще далеко не очищен. Одной из разновидностей (и, к сожалению, не столь редкой) обстановки, благоприятствующей систематическому и безнаказанному терроризированию бедноты и засилью кулачества, является обстановка «единого фронта» кулачества со своими агентами в аппарате. Об этот единый антисоветский барьер разбил себе голову не один честный общественник. Обстановка примиренчества, сдачи классовых позиций классовому врагу, целого ряда гноимых обычно характеризуется внешним благополучием в смысле отсутствия (по крайней мере по официальным отчетам) эпизодов террора, с одной стороны, и фактическим засильем кулачества и длительным терроризированием бедноты — с другой.

Итак, формы кулацкого террора весьма разнообразны.

Но кулацкий террор сам по себе только одна, правда наиболее острая, но все же только одна из форм противодействия и вредительства классовых врагов социалистическому наступлению.

На террор кулак обычно решается только в «крайнем случае».

Он имеет и другие пути для подчинения деревни своему влиянию, для противодействия продвижению в деревне социалистических элементов.

Взять, например, методы борьбы кулачества с колхозом. Разве они сводились только к террору? Нет. Вот неполный перечень других достаточно общеизвестных методов антиколхозной «работы». Кулак

агитирует против колхозов, распространяя всякие небывлицы, высмеивая самую затею колхозов, пользуясь, разумеется, темнотою окружающих. Кулак прикидывается другом колхоза и проникает в самый колхоз только для того, чтобы взорвать и развалить его изнутри. Кулак под колхозным флагом организует лжеколхоз. И так же в борьбе на других участках социалистического наступления. Кроме террора в ход пускается подкуп, экономическое закабаление, разложение и развращение деревенских активистов через попойки, лжеселькорство, подчинение своему влиянию кооперативного аппарата, использование националистических предрассудков, религиозных суеверий, церковных и сектантских агитпропов и т. д. и т. д.

Нельзя забывать и о связи разнообразных форм классовой борьбы в деревне с классовой борьбой в городе, в свою очередь принимающей разнообразные формы: тут мы имеем и вредительство буржуазных специалистов (шахтинское дело — наиболее яркий, но не единственный и не последний пример), классовую борьбу в жилищном быту (война этажей), оформление буржуазной идеологии в науке, искусстве и других областях, массовые формы идеологического влияния (работа церковников, сектантов, рост антисемитизма и т. п. и т. п.).

Чем разнообразнее формы противодействия классового врага социалистическому наступлению, тем более необходимо различать лицо классового врага, его вылазки, под каким бы прикрытием они ни совершались.

Неумение различать лицо классового врага есть классовая слепота, недостаточность политической чуткости и бдительности. Оно подчас в такой же сильной степени, как сознательное попустительство, объективно тормозит социалистическое наступление и развязывает кулацкую активность.

Недостаточная политическая чуткость, классовая слепота — одна из причин наблюдающихся местами явных «недогибов» и в борьбе с кулацким террором. Сюда относятся такие факты, как, например, квалификация (расценка) как обычной уголовщины выступлений по мотивам классовой мести, нечуткость к (подчас совершенно явственным) симптомам и сигналам нарастающей кровавой расправы, непринятие вовремя решительных мер к ее предупреждению, недостаточно энергичный темп расследования соответствующих дел, недостаточная (в отдельных, правда, редких случаях) жесткость судебной репрессии в отношении организаторов и вдохновителей террористического выступления. Все это и подобные им проявления «недогибов» в борьбе с кулацким террором (конкретные примеры которых приводятся нами ниже) дорого обходятся делу социалистического наступления, защите активистов-общественников, так же дорого, как «перегибы», бьющие по задаче укрепления опоры в бедноте и союза с середняцкими массами.

4 Обострение классовой борьбы налицо. Разговоры о «мирном вращении» оказались никуда негодным пророчеством, и не внешние механические причины, не «неправильные действия советского аппарата», а

внутренние причины реконструктивного периода, периода выкорчевывания самих корней капитализма — причины этого обострения.

Неправильные действия могут иметь и имеют место как отступление от генеральной линии, неправильные действия, перегибы и недогибы мешают борьбе. Но не в них корень контрнаступления кулацко-капиталистических элементов. Корень этого — в развертывании социалистического наступления.

С каждым годом, при условии правильного проведения директив партии, все более будут стираться межи между отдельными крестьянскими хозяйствами, исчезает злополучная чересполосица, рушатся загородки, разбивающие каждое селение на десятки и сотни мелких карликовых хозяйств. К весне 1930 г. мы будем иметь на полях более 60 тыс. тракторов, спустя два года — более 250 тыс. тракторов. И конечно этот процесс не может происходить без самого ожесточенного сопротивления кулаков, теряющих почву для эксплуатации, утрачивающих командные высоты, обеспеченные им при раздробленности и распыленности остальных крестьянских хозяйств.

«Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР — «священный принцип частной собственности». Крестьяне, рассматриваемые ими как материал, унаваживающий почву для капитализма, массами покидают хваленое знамя частной собственности и переходят на рельсы коллективизма, на рельсы социализма. Рушится последняя надежда на восстановление капитализма.

«Этим, между прочим, и объясняются отчаянные попытки капиталистических элементов нашей страны поднять против наступающего социализма все силы старого мира, попытки, приводящие к обострению борьбы классов. Не хочет капитал «врастать» в социализм».¹

Бурным темпом идет социалистическая стройка в СССР. За короткое время, которое потребовалось для правки и корректуры законченной рукописи настоящей книги, произошел существенный сдвиг в самой установке (если можно так выразиться) борьбы с кулачеством. Если до недавнего времени борьба с кулачеством своей непосредственной ближайшей задачей ставила ограничение и вытеснение кулака, то теперь вопрос ставится в плоскости ликвидации кулачества как класса. Гигантский размах коллективизации и успехов социалистического строительства в городе позволили борьбу с кулачеством перевести на высшую решающую ступень. В 1927 г. кулачество располагало более чем 10 млн т хлеба, а колхозы производили в десять раз меньше. Следовательно, еще в 1927 г. кулак играл видную роль в снабжении хлебом. А уже в 1929 г. колхозы и совхозы дали около 7 млн т, а в 1930 г. дадут около 15 млн валовой продукции.

Ликвидация кулачества как класса, происходящая в данный период, не есть простое воспроизведение раскулачивания, имевшего место в 1918 — 1920 гг. Тогда раскулачивание выражалось в дележе кулацкого инвентаря, имущества, земли между беднотой и середняками. Теперь

¹ Сталин. Год великого перелома, Гиз. 1929 г.

раскулачивание мыслится и проводится на основе обобществления орудий и средств производства, в районах сплошной коллективизации. Поэтому ликвидация кулачества как класса, проводимая в данный период, не есть возвращение к методам 1918 — 1920 гг., а огромный шаг вперед... «ибо за двенадцать лет мы подвинулись далеко вперед, на высшую ступень. И на этой высшей ступени мы даем последний и решительный бой остаткам капитализма в нашей стране, опираясь на огромную мощь нашей социалистической индустрии, далеко вышедшей за довоенные рамки, во главе выросшего и окрепшего пролетариата города и деревни, опираясь на прочный союз с середняцкими массами крестьянства, опираясь на растущее сочувствие рабочих и трудящихся масс всего мира».¹

В разрезе этой новой задачи, поставленной в порядок дня практической работы партии, советской власти, общественности и миллионов бедняcko-середняцких масс, а равно в разрезе борьбы с недавно вскрытыми искривлениями и антисередняцкими перегибами, те выводы, которые делаются ниже на основе анализа отдельных эпизодов кулацкого террора, хотя и относящихся к периоду политики ограничения и вытеснения кулака, не теряют своего актуального значения и в данный период. В частности необходимо подчеркнуть следующее.

Во-первых, новая задача ликвидации кулачества как класса, мыслимая не как музыка отдаленного будущего, а как задача текущей практики и политики, является сама по себе блестящим подтверждением вывода о бессилии кулацкого террора приостановить победное продвижение социалистических элементов в деревне. Много жертв кулацких терроров вырвал из советских рядов, немало общественников, бойцов социалистического наступления пало под предательскими выстрелами из обрезов и т. п. Но процесс сплочения миллионов бедняcko-середняцких масс вокруг политики партии развертывался и продолжает развертываться, несмотря ни на какие кулацкие ухищрения, с такой железной силой и в таких масштабах, что уже позволяет в качестве очередной практической задачи выдвинуть задачу ликвидации кулачества как класса.

Во-вторых, вместе с тем процесс ликвидации кулачества как класса на известный период не только не устраняет необходимости усиления борьбы с кулацким террором, но еще с большей остротой подчеркивает эту необходимость, подчеркивает значение данного боевого участка борьбы с преступностью.

Процесс раскулачивания потребует известного периода времени. Ускорение этого процесса немыслимо без решительного и повседневного преодоления правоуклонистских тенденций, склонных воспринимать новый лозунг партии лишь как декларативный лозунг, а не как программу повседневной практической работы. Но вместе с тем ликвидацию кулачества как класса нельзя проводить упрощенчески, как систему одних лишь административных мер.

«Необходимо с самого начала предостеречь от попыток возможных административных перегибов, от попыток замены и подмены администрированием самодеятельности бедняcko-середняцких масс в деле

¹ «Правда» от 1 февраля 1930 г., передовица.